

Бай Ицин на мгновение замер, но быстро восстановил улыбку, развернулся и направился к заднему сиденью.

— Извините, это уже привычка.

— М-м, — промычал Гу Яньшу, снимая пиджак и бросая его на переднее сиденье, после чего одной рукой пристегнул ремень безопасности.

Машина Гу Яньшу мчалась с бешеной скоростью, время от времени он даже позволял себе показные виражи, заставляя машину скользить по дороге. Бай Ицин, сидящий сзади, изо всех сил держался за спинку переднего сиденья, пытаясь сохранить равновесие. Дорога шла через горы, и несколько раз машина оказывалась так близко к обрыву, что казалось, будто вот-вот сорвется в пропасть. Бай Ицин, и без того боящийся высоты, побледнел от страха.

— Господин Гу... — тихо произнес он, крепко сжимая спинку переднего сиденья и стараясь не смотреть вправо, где зияла бездна. — Не могли бы вы ехать помедленнее?

Гу Яньшу, увидев в зеркале заднего вида бледное лицо пассажира, не только не сбавил скорость, но и нажал на газ еще сильнее. Путь, который обычно занимал десять минут, он сократил до пяти.

Этот человек точно делает это нарочно! — мысленно выругался Бай Ицин, крепко обхватив спинку переднего сиденья.

Когда они наконец спустились с горной дороги, страх немного отступил, но скорость по-прежнему оставалась высокой. Резкие торможения заставляли желудок Бай Ицина бунтовать, а голова кружилась от тошноты.

Он знал, что просить Гу Яньшу остановиться бесполезно — тот явно злился и срывал злость на нем. Может, стоит просто вырвать в его машине?.. Но нет, потом не сможет оплатить ущерб.

— Черт... — прошептал Бай Ицин, изо всех сил стараясь сдержать рвоту.

Когда они уже приближались к дому, Гу Яньшу наконец сбавил скорость, но Бай Ицин больше не мог терпеть.

— Остановите... Остановите машину...

Но его голос был слишком тихим, и Гу Яньшу лишь услышал, что он что-то говорит. Прежде чем тот успел спросить, Бай Ицин уже открыл дверь и выпрыгнул из машины.

Скорость была невысокой, но он все же споткнулся и упал на колени.

— Уф... Кхе...

Бай Ицин оперся правой рукой о землю, а левой сжал живот, пытаясь сдержать рвоту. Сегодня он почти ничего не ел, только пил воду. Первым вырвалась кислая жидкость, а потом уже ничего не выходило, но тошнота не отпускала.

Из-за сильной рвоты желудок свело судорогой, и любое движение причиняло невыносимую боль. Перед глазами все плыло.

— Уф... Уф... Кхе... — продолжал он.

Гу Яньшу, заметив, что пассажир вышел из машины, сразу же остановился и подошел к нему. Увидев, что Бай Ицин рвет, он быстро начал похлопывать его по спине.

— Эй, ты в порядке?

— Кхе... Ничего... — Бай Ицин, вырвав несколько раз и больше не находя сил, просто сидел на земле, сжимая живот.

— Что с тобой?

— Вы ехали слишком быстро, меня укачало.

Гу Яньшу накинул на Бай Ицина свой пиджак, который взял, выходя из машины, и буркнул:

— Вы, Омеги, такие неженки.

Кто виноват? — Бай Ицин, покрасневшими глазами, бросил на Гу Яньшу взгляд, полный укора, и поднялся на ноги.

Из-за сильной рвоты он не сразу заметил, но теперь боль в коленях становилась все сильнее. Черные брюки прилипли к ранам, и каждый шаг причинял такую боль, что он едва не упал снова.

— Господин Гу, не могли бы вы меня поднять? — Бай Ицин поднял влажные глаза, полные мольбы. — Мне больно, я не могу идти.

— Ты... — Гу Яньшу посмотрел на его бледные губы, покрасневшие глаза и выражение беспомощности, и в итоге выдавил:

— Ты... Не мог бы ты быть посильнее?

— Нет, — ответил Бай Ицин.

Шутка ли, это ты довел меня до такого состояния, так что я не позволю тебе просто так отделаться!

Гу Яньшу внутренне боролся с собой, но в итоге поднял Бай Ицина и посадил в машину. На этот раз он ехал медленнее, а по прибытии домой отнес его в гостиную.

— Если тебя укачало, нужно было сказать, я бы не стал тебя мучить.

— — промолвил Бай Ицин.

Смог бы.

Гу Яньшу протянул Бай Ицину спирт.

— Сам обработай раны.

Брюки прилипли к ранам, и снять их было непросто. Бай Ицин попробовал несколько раз, но не смог, и в итоге резко дернул штаны вверх.

— Что ты делаешь? — Гу Яньшу отшлепал его по руке. Когда-то белоснежные ноги теперь были покрыты ранами.

— Иначе не снять, — Бай Ицин открыл спирт и вылил его на ногу. Жгучая боль пронзила все тело, заставив его зажмуриться.

— Какой «иначе»! — Гу Яньшу выхватил спирт, опустился на колени и начал обрабатывать раны. — Для чего у тебя глаза? Не видишь ножницы и ватные палочки? Я дал их тебе, чтобы ты просто смотрел на них?

Бай Ицин поднял бровь, приподняв ногу, чтобы облегчить обработку.

— Я не умею ими пользоваться.

— Не придумывай, — Гу Яньшу, смочив спиртом, аккуратно отделил ткань от раны и срезал брюки. Когда все было готово, он начал обрабатывать раны спиртом.

Он довольно нежный... — мысленно отметил Бай Ицин.

Закончив, Гу Яньшу наложил повязку и принес стакан молока.

— Вот, держи.

Бай Ицин взял молоко, понюхал его и незаметно поставил в сторону.

— Господин Гу, вы пригласили меня к себе, чтобы обсудить что-то важное?

Гу Яньшу только сейчас вспомнил, зачем он его позвал. В машине он был не в настроении говорить, а потом занялся обработкой ран, и только теперь вспомнил о деле. Его выражение лица стало немного напряженным.

— Да, я хотел спросить, когда у тебя начнется течка, чтобы мы побыстрее завели ребенка.

Бай Ицин:

— ??????????

С выражением недоумения он спросил:

— Какой... ребенок?

Хотя он понимал, что имел в виду Гу Яньшу, ему все же было трудно поверить.

Гу Яньшу не ответил на вопрос, а вместо этого спросил:

— Молоко не пьешь?

Бай Ицин улыбнулся, поднес стакан к губам, сделал маленький глоток и поставил обратно.

— Я выпью позже.

Гу Яньшу поднял бровь, заинтересовавшись. Ему не нравится молоко?

Решив поддеть его, он с улыбкой спросил:

— Что, не нравится? Я специально для тебя его приготовил.

Брат! Если бы ты убрал эту ухмылку, я бы, может, и поверил! Но ты явно издеваешься надо мной!

Бай Ицин мысленно написал пятисотсловный текст, осуждающий поведение Гу Яньшу, но вслух лишь сказал:

— Давайте сначала обсудим ребенка.

— Ага, — Гу Яньшу начал объяснять. — Я поговорил с отцом, и мы решили временно оформить брак. После рождения ребенка разведемся. При разводе ты получишь два дома, сможешь навещать ребенка, но большего...

Его глаза сверкнули, и холодные слова вырвались из его уст:

— Большого тебе не видать, я не дам и не хочу давать.

Бай Ицин изо всех сил сдерживал смех. Он ущипнул себя за переносицу, мысленно издеваясь над собой: «Бай Ицин, Бай Ицин, ты всего лишь инструмент, родил ребенка — и все, на этом твоя роль закончена».

Ему хотелось спросить, почему Гу Яньшу даже не спросил его мнения? Почему он должен рожать ребенка для человека, которого едва знает? Но Бай Ицин понимал, что у него нет выбора. Брак был для него неизбежностью, и, кроме благодарности, Гу Яньшу обладал еще и влиятельным положением. Даже если тот потребует от него ребенка, он сможет лишь улыбнуться и согласиться.

Не в силах сдержаться, он поднес руку ко рту и начал грызть ногти, чтобы успокоиться. Это была его привычка — когда он нервничал или чувствовал себя неуверенно, он начинал грызть ногти. На самом деле он не грыз их, а лишь слегка покусывал, но для Гу Яньшу это выглядело как признак дурного воспитания.

Гу Яньшу нахмурился.

— Сколько тебе лет? Грызешь ногти! Не боишься бактерий?

Ха! А ты, взрослый человек, ведешь себя как ребенок! Почему я не могу грызть ногти? К тому же мои руки чище твоего лица! Что тебе не нравится? Я же не заставляю тебя их грызть!

На лице улыбка, а в голове: [цензура]!

Бай Ицин убрал руку и извинился.

— Вы правы, я больше не буду.

— М-м, — кивнул Гу Яньшу. — Это для твоего же блага.

— Да, спасибо, — ответил Бай Ицин.

Хе-хе-хе...